

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

И.А. Айзикова

ОБРАЗ Ж.Ж. РУССО НА СТРАНИЦАХ «ВЕСТНИКА ЕВРОПЫ» 1807–1811 ГГ. (ПЕРИОД РЕДАКТОРСТВА В.А. ЖУКОВСКОГО)

В статье анализируется образ Ж.Ж. Руссо, созданный В.А. Жуковским на страницах «Вестника Европы» 1807–1811 гг., периода его редакторства в журнале, с помощью которого писатель производил переворот в русском общественном сознании, в отечественной словесности, утверждая новый художественный метод – романтизм. Исследование проводится на материале выполненных Жуковским для «Вестника Европы» прозаических переводов сочинений Г. Меркеля, принца Ш.Ж. де Линя, писем И. Миллера к К.В. Бонстеттену. Рассматриваются объективированные в литературных текстах свидетельства рецепции Руссо Жуковским, а через него русской литературой начала XIX в. и таким образом выявляется одно из ярких воплощений руссоизма как типа культуры. Жуковский строит образ великого мыслителя и писателя на пересечении разных национальных «имиджей» Руссо и руссоизма, сквозь призму собственных философско-художественных устремлений и поисков отечественной словесности и культуры 1800-х гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, «Вестник Европы», Ж.Ж. Руссо, руссоизм.

Интерес русской культуры к Ж.Ж. Руссо очевиден, что подтверждают труды дореволюционных ученых (сошлемся, например на обобщающую монографию М.И. Розанова, которую Ю.М. Лотман называет капитальным трудом в этой области [1]; укажем также на исследования В.В. Сиповского, А.Н. Веселовского, В.М. Истрина, В.И. Резанова) и научные работы XX в. (Г.А. Гуковского, Ю.М. Лотмана, И.З. Сермана, Ф.З. Кануновой, В.С. Алексеева-Попова и др.¹). Вместе с тем в статье «Руссо и русская культура XVIII – начала XIX в.», ставшей классической в отечественном литературоведении, Ю.М. Лотман писал о том, что решение вопроса о Руссо и русской культуре «в значительной мере осложнено неопределенностью его постановки. Историко-культурное значение Руссо обычно рассматривается в рамках проблемы “руссоизма” как особого явления европейской культуры конца XVIII – начала XIX в. Однако само понятие “руссоизм” не отличается большой определенностью» [2. Т. 2. С. 40]. И далее ученый доказывает необходимость видеть в руссоизме не сумму некоторых признаков, а «особое типологическое явление европейской культуры», «исторически данную культурную систему». Ю.М. Лотман предлагает и парадигму подхода к исследованию руссоизма как целостной структуры особого типа: не от абстрактной его модели к проекции на творчество писателя, а от осмысления трансформации личности и творчества Руссо, в процессе их усвоения разными системами культуры, в

¹ Библиографию работ о Руссо в России см. в статье Ю.М. Лотмана [2. Т. 2. С. 40–99]. Новейшую библиографию в настоящее время составляет сотрудник РНБ А.А. Златопольская. См. фрагменты этой библиографии в работах [3, 4].

тип культуры – руссоизм. Эти идеи и проблемы не потеряли актуальности до сего дня.

Думается, особый интерес в связи с этим представляют индивидуальные интерпретации общепринятой семантики личности и творчества Руссо (абстрактной модели, «имиджа» Руссо – просветитель, родоначальник сентиментализма, пропагандист теории естественного человека, парадоксалист). Называя факторы, под влиянием которых складывалось русское восприятие Руссо в XVIII – начале XIX в., Ю.М. Лотман в упомянутой выше статье отмечает, в частности, что «каждая общественная группа имела “своего Руссо”» и что «помимо борьбы за и против женевского философа» можно «наблюдать стремление различно интерпретировать его идеи, противопоставлять “своего” Руссо – Руссо других группировок» [2. С. 51]¹. Анализируя рецепцию Руссо многими деятелями русской культуры данного периода, ученый между тем обходит стороной фигуру В.А. Жуковского, обозначившего вместе с Н.М. Карамзиным начальную стадию русской рецепции Руссо в XIX в., логически завершённую представителями двух ведущих направлений отечественной классической литературы – Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым. Не останавливаясь на предположениях о причинах этого, попытаемся заполнить пробел и в первую очередь обратимся к монографии Ф.З. Кануновой «Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского». Проводя через всю книгу мысль о Жуковском не только как о «Коломбе» русского романтизма, но и как о связующем звене, обусловившем все последующее развитие русской словесности, исследовательница посвящает большую часть своего труда проблемам восприятия русским романтиком личности, мировоззрения и творчества Ж.Ж. Руссо и пишет, что «среди деятелей европейского Просвещения не было, пожалуй, ни одной фигуры, оказавшей столь большое воздействие на Жуковского». «И дело здесь не в прямом влиянии, – продолжает исследователь. – <...> Руссо явился... катализатором... и генератором многих идей первого русского романтика, потому что в страстном диалоге с ним, в процессе сложного диалектического притяжения и отталкивания кристаллизовались важнейшие стороны мировоззрения русского поэта» [5. С. 72]. Особенно актуально это утверждение для Жуковского второй половины 1800-х гг., периода его редакторства в одном из ведущих отечественных журналов – в

¹ О специфике русского образа Руссо можно отчасти судить по репертуару переводимых в России сочинений французского мыслителя: в первую очередь следует указать на неоднократно переведшиеся в конце XVIII в. – начале XIX в. знаменитые трактаты «Способствовало ли восстановление наук и художеств к исправлению нравов», «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми». Русскому читателю в эти годы, как указывает Ю.М. Лотман, были хорошо известны трактат «Об общественном договоре» и роман «Эмиль, или О воспитании», воспринимавшиеся как «опасные» сочинения. К началу XIX в. читатели в России могли судить о Руссо-драматурге, поэте. Ю.М. Лотман обращает также внимание на «своеобразные обзоры сочинений Руссо, употребляемые как “приложения” к его имени. По ним можно судить, что из обширного наследия французского мыслителя прежде всего приходило на ум тому или иному русскому читателю при упоминании имени Руссо. Эти своеобразные “списки” показательны и также свидетельствуют о хорошей осведомленности. Уже начиная с 1760-х гг. имя Руссо почти всегда сопровождается эпитетом “славный”» [2. С. 49]. И далее приводится список сочинений, которые утвердились в русском культурном сознании как основные из написанного Руссо: это названные выше и другие трактаты, романы «Эмиль», «Новая Элоиза». На русскую рецепцию Руссо, с точки зрения Ю.М. Лотмана, повлияла и антируссоистская литература, широко представленная в каталогах русских библиотек.

«Вестнике Европы», «с помощью» которого, по словам В.И. Кулешова, писатель «тихо и незаметно произвел <...> переворот в русской литературе» [6. С. 115].

Заметное место в «Вестнике Европы» заняла проза Жуковского, наряду с поэзией ставшая воплощением его нравственно-философских и эстетических поисков, связанных с утверждением в отечественной словесности романтизма. Прежде всего, она демонстрирует нарастающий, возникший еще в ранних прозаических опытах интерес Жуковского к возможностям раскрытия внутреннего мира человека в прозе, к развитию в прозе психологизма. С другой стороны, Жуковский, с его романтическим, универсальным взглядом на мир, настойчиво ищет принципы соотношения в прозе субъективного и объективного, лирического и эпического, вымысла и действительности. «Внутренний человек» и окружающая его реальность, «поэзия чувства и сердечного воображения», «драма страстей» и «эпос частной жизни» – все это важно для Жуковского-прозаика конца 1810-х гг. Весьма примечательна также тематическая, жанрово-стилевая палитра прозы Жуковского. Однако каким бы многообразием тем, проблем, жанров, сюжетов, характеров и т.д. ни отличалась проза редактора журнала, написанная и переведенная им специально для «Вестника Европы», она являет собой единое целое, направленное на утверждение новой концепции человека и его связи с миром и, соответственно, новой эстетики и поэтики словесного творчества вообще и прозы в частности (см. об этом подробнее в работе [7. С. 141–222]).

Показательно в связи с этим, что проза «Вестника Европы» создается «на фоне» чтения Жуковским трудов европейских философов, историков, моралистов и эстетиков, среди которых прежде всего следует назвать Руссо¹. Не менее показателен и многогранный образ Руссо, созданный русским поэтом на страницах его издания в разных жанрово-стилевых пространствах. Он выражает индивидуальность Руссо, его учения и творчества с точки зрения Жуковского, передает эмоциональные и оценочные оттенки его восприятия Руссо, что позволяет увести наше исследование от произвольных построений на тему о влиянии руссоизма и Руссо на русскую культуру, и на Жуковского в частности, и рассмотреть конкретные свидетельства рецепции Руссо Жуковским (а через него русской литературой начала XIX в.), объективированной в литературных текстах, выявляя таким образом одно из показательных воплощений руссоизма как типа культуры. В прозаических переводах из сочинений и писем немецких и французских авторов: Г. Меркеля, Ш.Ж. Де Линя, И. Миллера – Жуковский строит свой неповторимый образ великого мыслителя и писателя на пересечении разных национальных «имиджей» Руссо и руссоизма, в преломлении этого межкультурного взаимодействия сквозь призму собственных философско-художественных устремлений и поисков всей русской литературы и культуры начала XIX в. Иными словами, описать образ Руссо, созданный Жуковским на страницах редактируемого им «Вестника Европы», во многом значит описать и руссоизм без его редукции до простой суммы некоторых черт (ибо речь пойдет о конкретной рецепции,

¹ О круге чтения Жуковского периода «Вестника Европы» см.: [8. Ч. 1. С. 400–427; Ч. 2. С. 35–336; Ч. 3. С. 17–249].

складывающейся в конкретную систему), и самого Жуковского (в определенный период его творчества и в эволюции), и то, как, под воздействием каких факторов формируется и существует в индивидуальном сознании первого русского романтика образ выдающегося представителя чужой культуры и другой эпохи. Собственно, эти вопросы как конкретизацию общей проблемы, обозначенной нами в начале статьи, мы и рассмотрим на материале прозы Жуковского, опубликованной им в «Вестнике Европы» в 1807–1811 гг.

Анализ образа Руссо, созданного Жуковским в редактируемом им журнале, начнем с предварительного замечания о стремлении переводчика к правдивости дискурса о «чужом», принадлежащем иной культуре деятеле, точнее – к созданию у читателя впечатления правдивости. Этому служит тот жанрово-стилевой диапазон нарратива о Руссо, в котором работает Жуковский – имя Руссо, его образ находим в следующих публикациях:

1) «Путешествие Ж.Ж. Руссо в Параклет» (1808. № 2) – перевод повести Г. Меркеля с характерным жанровым заглавием «путешествие» и преамбулой, в которой читателю сообщается, что «еще не все сочинения Жан-Жака Руссо известны публике. Одна из лучших его приятельниц, миледи Говард имеет манускрипт, которого содержание, быть может, не менее самой ”Элоизы” привлекательно. Список с этого манускрипта, найденный между бумагами известного графа д’Антрегю, находится теперь в руках господина Лаканалля. Он заключает в себе рассуждение о Виландовом “Агатоне”, которого Жан-Жак Руссо читал в переводе; отказ Дидрота на предложение десяти тысяч ливров годового пенсионера от имени императрицы ЕКАТЕРИНЫ и, наконец, следующие два “происшествия”. Мне удалось их слышать (не спрашивайте где), и сердце моё наполнилось такими сладкими, живыми чувствами, которые всегда производит в нем трогательный голос Ж.-Жака; я решился описать их просто, без всяких витийственных украшений и, если можно, точно так, как слышал. Читатель со временем будет иметь в руках и саму повесть Жан-Жака Руссо: тогда я первый забуду сии строки, написанные мною в минуту сладкого волнения души, произведенного магическим его даром». В примечании Жуковского поясняется, что одно из двух «происшествий» сообщается «читателю “Вестника” теперь, другое будет напечатано после»¹ [10. 1808. № 2. С. 97];

2) «Письмо Ж.Ж. Руссо» (1808. № 4) – перевод на русский язык немецкого перевода подделки, принадлежащей графу д’Антрегю², который был выполнен с французского языка Г. Меркелем. К заглавию в русском переводе Жуковским сделано подстрочное примечание, подчеркивающее документальный характер нарратива: «Перевод с манускрипта, который нигде ещё не был напечатан. Любопытно знать, кто эта Сесилия? Быть может, та самая миледи Говард, с которою Ж. Жак познакомился в старости и которой пору-

¹ Имеются в виду «Путешествие Ж.Ж. Руссо в Параклет» и повесть «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо», переведенная Жуковским для «Вестника Европы» в 1810 г. А.А. Златопольская делает предположение, что рукописные копии обеих повестей, якобы обнаруженные в бумагах Луи-Александра де Лоне, графа д’Антрега (1753–1812), подделка, принадлежащая самому графу, последователю «жениевского гражданина», и что Меркель передает рассказы из биографии Руссо, во многом выдуманные д’Антрегом. См. [9].

² Доказано А. Коббеном и Р.С. Элвисом, авторами статьи «Ученик Жан-Жака Руссо. Граф д’Антрег», напечатанной в 1936 г. См. об этом [9].

чил судьбу Жюльетты, известной читателям «Вестника» (по опубликованной ранее повести «Путешествие Ж.Ж. Руссо в Параклет». – И.А.). Надобно помнить, что это письмо писано шестидесятилетним стариком. Ж.» [10. 1808. № 4. С. 265];

3) «О литературе французской в XVIII столетии» (1809. № 5) – перевод обзорной статьи из «Journal de Paris», посвященной представлению книги «De la littérature française, pendant le dix-huitième siècle» А.Г.П.Б. де Баранта (1782–1866), прославленного литератора и историка, известного своими умеренно-либеральными взглядами. Книга освещает вопросы истории французской литературы (в том числе творчества Руссо) и ее взаимосвязи с общественно-политической жизнью Франции;

4) «Свидания маршала принца де Линя с Ж.-Ж. Руссо и Вольтером (Отрывок из новой книги: Письма и мысли маршала принца де Линя)» (1809. № 15) – перевод двух фрагментов из книги «Письма и мысли маршала принца де Линя», представляющей собой выборку из его многочисленных сочинений и писем, сделанную А.-Л.Ж. де Сталь и изданную ею в 1809 г. В первой части, названной в переводе «Свидания с Ж.-Ж. Руссо», автором подробно описываются две его встречи с Руссо;

5) «Счастливейшее состояние (Еще отрывок из сочинений маршала принца де Линя)» (1809. № 15) – перевод небольшого эссе из сборника принца Ш.Ж. де Линя «Mélanges de morale et de littérature, fragmens, letters et portraits» («Смесь морали и литературы, фрагментов, писем и портретов»), заглавие которого также указывает на документальный характер нарратива;

6) «Эгоист (Повесть принца де Линя)» (1809. № 24) – перевод произведения де Линя «Le parfait égoïste. Conte moral ou immoral, comme on veut» («Законченный эгоист. Сказка моральная или аморальная [безнравственная], как хотите [как вам захочется]»), в котором существенно изменен авторский подзаголовок (жанровое определение с вполне устоявшимися коннотациями *Conte moral* (моральная сказка) переведено существительным «повесть»);

7) «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо» (1810. № 2) – перевод произведения Г. Меркеля «Rousseau, der Rächter der Unschuld («Руссо – отмститель за несчастного»), снабжен показательным подзаголовком, добавленным переводчиком: «(Истинное происшествие)» и примечанием к нему: «Описанное самим Жан-Жаком Руссо в одном письме, которое никогда еще не было напечатано и которое сочинитель предлагаемого здесь отрывка читал в манускрипте»;

8) «Отрывки из писем Иоанна Миллера к Карлу Бонстеттену» (1811. № 6) – источник перевода Жуковского: «Muller's Briefe an Carl Victor Bonstetten» («Переписка Мюллера с Карлом Бонстеттеном»); вновь обращаем внимание на жанровые предпочтения переводчика – эпистолярный реальный исторический текст.

Конечно, акцентация объективности и достоверности повествования во всех перечисленных текстах, столь активно проводимая Жуковским, является художественным приемом, не столько организующим, сколько «окрашивающим» нарратив о Руссо данной семантикой и одновременно отражающим сам механизм формирования образа женеvского мыслителя в сознании Жуковского, принципы отбора материала для его конструирования, предполагаю-

шие, как видим, восприятие «другого» сквозь призму реального, достоверного источника. Вопрос, однако, в том, что понималось Жуковским под «достоверным» в создании образа из инациональной культуры на русской почве. Здесь весьма любопытным является тот факт, что Жуковским нигде не подчеркивается национальная специфика образа Руссо. Его идентификация осуществляется исключительно через отождествление с определенными – просветительскими – идеологическими, философско-эстетическими конструктами определенного – второй половины XVIII в. – времени.

Вместе с тем образ Руссо создается Жуковским на основе культурных моделей, ценностных систем, свойственных его культурно-исторической эпохе. Одним из самых популярных русских клише рубежа XVIII–XIX вв., поддержанным Жуковским, является образ Руссо – сверхчувствительного человека, наделенного обостренными эмоциональными реакциями на добро и зло, т.е. Жуковский строит свой образ Руссо на фундаментальной в руссоистской системе взглядов идее о природной доброте и чувствительности человека, которая вытекает из основной мировоззренческой оппозиции французского мыслителя – «естественного» и «неестественного» («противоестественного») в человеке. Как известно, по убеждению Руссо, естественным для человека является всё, что свойственно ему от природы, – и это в первую очередь доброта, совесть, сострадание, чувство справедливости, гуманность, непосредственность как знак эмоциональной жизни, свободной от социального воздействия. Здесь, считает Руссо, от рождения все равны.

Первая же повесть с образом Руссо в центре, опубликованная Жуковским в «Вестнике Европы», – «Путешествие Ж.Ж. Руссо в Параклет» – открывается размышлением повествователя, красноречиво демонстрирующим его позицию в отношении героя, выступающего в качестве главного персонажа. Чувствительность Руссо не только превозносится, но напрямую связывается с высокой оценкой его творчества, его таланта провидеть «внутреннего человека» и пробуждать человеческие сердца: «Многие с презрительным сожалением говорят о той чувствительности, с какою Ж. Жак Руссо принимал все оскорбления, действительные и мнимые, своих неприятелей. Но сия чувствительность, государи мои, не есть ли источник его таланта, единственного таланта говорить сердцу, обнаруживать человеческие страсти и все возвышенные мысли, которые воспламеняли его рассудок, выражать с такою страшною силою, с таким очаровательным, увлекающим красноречием? Душа его могла ли бы произвести “Элоизу” и “Эмиля”, когда бы оскорбительные нападения Вольтеров, Дидротов и даже мелких ненавистников гения – насекомых, рождающихся от солнечного жара, – её не трогали? Вы умствуете, восклицаете, полагаясь на грубость своих нервов: “В таких же обстоятельствах мы поступили бы хладнокровнее, благоразумнее!” Согласен; но в то же время, не хотите ли вы сказать: “Мы не имеем его таланта!”» [10. 1808. № 2. С. 98]. Другая публикация – «Письмо Ж.Ж. Руссо» – представляет собой причудливый рисунок развития «восхитительного чувства» любви «слишком чувствительного творения», как сам себя называет герой-нарратор. Историей Милли и Эдуарда Жаксона, героев переводной повести Меркеля, Руссо был растроган «до глубины сердца». «Чувствительное сердце» Руссо отмечено и в статье «О литературе французской в XVIII столетии».

Постоянные характеристики Руссо в переводах Жуковского из «Вестника Европы»: глаза, оживленные блеском, сиянием «трогательного, беспритворного участия»; необычайная выразительность лица, стремление помочь как первый порыв сердца, пронизательный взгляд, наблюдательность, «любезная доброжелательность», внимание к деталям поведения, внешнего вида, раскрывающим внутреннее состояние окружающих; предчувствие, ощущение (или воображение) того, что чувствует другой, внутренние диалоги, глубокое погружение внутрь своей души. Приведем несколько примеров:

Задумавшись, рассматривал он приятные черты незнакомки; ещё не знал, какая судьба так рано умертвила сию прелестную розу, но сердце его, исполненное человеколюбия, уже мучилось; воображение представляло ему тысячи несчастий; он не хотел им верить: «Не может быть!» – восклицал он в глубине души (Путешествие Ж.Ж. Руссо. в Параклет [10. 1808. № 2. С. 103]).

И далее:

Итак, она одна! Одна в публичной карете, на большой дороге, и ей не более девятнадцати лет! Когда бы на томном её лице не сияло такое возвышенное благородство души, когда бы на вопрос патера не подняла так медленно и спокойно своих прелестных, задумчивых глаз, не отвечала с таким равнодушием: «Нет!» и опять в унынии не опустила взор на быстрые колеса... Нет, нет! Не может быть! Одна любовь, одна безнадежная, несчастная, оскорбленная любовь могла такую трогательную тоскою омрачить сей тихий, пленительный образ! <...> ни один молодой стихотворец с таким сердечным трепетом не смотрел в театре на зрителей, собравшихся судить первую его пьесу, с каким наш Лиль рассматривал лицо незнакомки: он чувствовал, что сердце её принадлежало к немногим, для которых он так часто желал писать, которые одни могли быть его судьями – к немногим, которых одобрение было для него необходимо [10. 1808. № 2. С. 104].

Из повести «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо»:

*Руссо находился в ***; он сидел за письменным столиком, рассматривал свои травники и радовался новым ботаническим приобретениям, которое сделал в прошедшее утро. Он чувствовал себя истинно счастливым, занимаясь цветами и травками: некоторые из них возбуждали в душе его воспоминание об удовольствиях молодости; оставив настоящее, он мысленно переносился к прошедшим дням своего счастья, и сердце его трепетало при воспоминании о некоторых любезных существах, которых гробы давно уже открыты были дерном [10. 1810. № 2. С. 96–97].*

1. Наиболее полная и глубокая характеристика чувствительности Руссо представлена в переводе Жуковского «Письмо Ж.Ж. Руссо», отличающемся исповедальным типом повествования, разносторонним самоанализом героя-повествователя. Автор письма – это прежде всего человек, способный тонко переживать чувства любви, во всей их сложности и противоречивости: «Семсила, начиная чувствовать необходимость любви, сердце узнает и скуку жизни: обыкновенное следствие сего приятного, восхитительного чувства,

которое не дает нам счастья, но изнуряет нас под бременем наслаждения, превышающего силы человека. Любовь отделяет нас от всего: тогда бываем мертвы для самих себя, тогда существуем для милого, единственного предмета; уныние нечувствительно обвивается вокруг нашего сердца; и наконец мало по малу оно запутывает его в бесчисленных изгибах...». Влюбленный в Сесилию Руссо превьше всего ценит духовность любовных отношений, которые способны «терзать человека», но «с ними и в самые минуты заблуждения» он ощущает «истинное блаженство» [10. 1808. № 4. С. 265]. Любовь для пишущего эти строки – залог альтруизма, внимания, интереса к другому человеку, упоения его чувствами, переживаниями, свойствами: «Сесилия, наслаждение истинной любви не есть ли нечто священное, скажу, небесное? Ужели искать в нем одного минутного удовлетворения чувственности? О Боже, какой обман! Прелесть сих восхитительных минут заключена единственно в том чистом и непорочном пламени, которое животворит сердце: и какой любовник в сии минуты наслаждается собою? Нет, нет, тогда он существует не в себе; он упоен ее восторгом; он видит, он чувствует одну ее!» [10. 1808. № 4. С. 272].

2. Фундаментом жизни для Руссо, героя и повествователя перевода Жуковского, является чувствительность, очищающая естественную природу человека от социальных наслоений, возвращающая ей гуманность, человечность, добродетельность: «Как счастлив тот, кто может до самой смерти сохранить чувствительность юношеских лет! Я сохранил ее, Сесилия, и сим обязан романическим своим мыслям. Ах, я знаю, слишком знаю: для развращенного сердца всё – роман, и в нашем развратном веке любовь – роман, добродетель – роман, героизм древнего времени – маска, история римлян – училище лжи, или скопище одних басней. Но что же выиграли люди, иссушив свое сердце и похитив у себя все то, что некогда возвышало их к небу?» [10. 1808. № 4. С. 271].

3. Наконец, обратим внимание на то, что автор письма к Сесилии – человек, ярко и сильно реагирующий на произведения искусства, на художественное слово: «Может быть, никто на свете не читал такого множества романов, как я; но я читал их с таким живым, мучительным участием, которое едва не стоило мне жизни. Теперь, на краю гроба, открываю те книги, которыми пленялся в молодых летах, читаю и нахожу в них свое сердце: оно волнуется, как и прежде; глаза мои, готовые затвориться навеки, проливают еще слезы. Поверь, Сесилия, лишь тот, кто окружил себя подобными идеями, лишь тот способен насадить несколько цветов на пути своей жизни», – пишет он своей возлюбленной [10. 1808. № 4. С. 269]. И вместе с тем, он убежден в невыразимости человеческим языком красоты и силы небесных чувств, испытываемых им к Сесилии: «Сесилия, найдутся выражения для удовольствий грубых; но кто, не будучи Богом, осмелился описать восторги истинной любви? Кто способен сказать: таковы были твои чувства, здесь пределы твоего наслаждения! Нет, самое наше бессилие изобразить сию сладость не есть ли доказательство ее превосходства? Творец, который хотел возвысить наше бытие, позволил человеку его вкусить, но запретил определять словами» [10. 1808. № 4. С. 272–273].

4. Всё это – излюбленные идеи Жуковского рубежа 1800–1810-х гг., случайно и вместе с тем показательно, что именно они используются поэтом в конструировании образа Руссо. Неслучайна и нарративная форма, передающая и одновременно характеризующая внутренний мир героя: письмо-исповедь. Исповедальное слово, как известно, было востребовано русским поэтом-романтиком в названные годы (и позднее) и в лирике, и в прозе (включая эпистолярный и дневниковый).

Второй составляющей образа Руссо, созданного Жуковским на страницах редактируемого им журнала, является «красноречие», тесно связываемое с чувствительностью французского просветителя. Под красноречьем понимается талант не только владения словом, но – и это главное – подчинения его силы служению людям, утверждению в обществе идеи внутренней красоты человека, добра и справедливости, защите угнетенных, обиженных и оскорбленных. В «Путешествии Ж.Ж. Руссо в Параклет» страстным письмом, написанным в защиту Жюльетты, Руссо помогает героине, казалось бы, в безвыходной ситуации: «Читатель со временем его прочтет; быть может, оно есть красноречивейшее произведение человеческого духа, оживленного состраданием и любовью к человечеству. Читатель услышит могущественный голос великого несчастливца, говорящего в пользу несчастий чуждых, говорящего с таким жаром, с каким никогда, никогда не выражал он страданий собственного своего сердца» – так характеризует письмо Руссо повествователь [10. 1808. № 2. С. 129].

В надежде на восстановление справедливости обращается к Руссо и герой повести «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо: «”Ах! Сжальтесь же надо мною! – закричал неизвестный, бросаясь на колени и сжал руки, – напрасно искал я правосудия перед судилищами и престолом; от тебя, служитель добродетели, требую того, в чем отказали мне порочные люди! Правосудия, Жан-Жак Руссо! Мщения тому злодею, который умертвил мою жену и меня сделал жалким безумцем!” – Он обнял колена Жан-Жака. Философ трепетал, и слезы стелились по лицу его ручьями» [10. 1810. № 2. С. 98]. «Растроганный до глубины сердца», Руссо, начавший, было, говорить, что он «бедный, больной, несчастливый человек», не имеющий «ни связей, ни знакомства», что современники его ненавидят и преследуют и что он не сможет сделать ничего для Эдуарда и его погибшей жены, вдруг преображается: «В эту минуту глаза его запылали. “Я могу, – сказал он грозным голосом, – напечатать знаки отвержения на челе твоего убийцы! Могу предать его проклятию современников и потомства!” <...> Руссо написал Эдуардову историю с тем красноречьем, которое одному ему свойственно» [10. 1810. № 2. С. 104]. Эта повесть, напечатать которую не удалось, между тем сделала свое дело: переданная в рукописи злодею лорду Кляйву, обидчику Эдуарда и Милли, она заставляет его покинуть Францию из опасения, что преступление будет предано огласке. В финале читателю сообщается следующее: «Несколько времени продолжал он (лорд Кляйв. – *И.А.*) заглушать фурию совести необузданнейшим развратом; наконец он сам исполнил то, что надлежало бы сделать одному палачу: без сомнения, тени Милли и Жаксона представились глазам его в ту минуту, когда он наводил на себя пистолет, раздробивший ему череп» [10. 1810. № 2. С. 105–106].

О силе воздействия слова на человека, о его богатейших возможностях пишет и автор-герой «Письма Ж.Ж. Руссо». Одной из характеристик Руссо в статье «О литературе французской в XVIII столетии» также является его талант красноречия: «Философия нашла в нем сильного защитника, одаренного чувством и красноречием непобедимых» [10. 1809. № 5. С. 51]. Саму манеру разговора Руссо, его способность убеждать и завораживать словом неоднократно описывает принц де Линь в воспоминании «Свидания с Ж.Ж. Руссо», всякий раз подчеркивая непосредственность, живую сложность и индивидуальность, неповторимость речи Руссо, его эмоциональность, стремление воздействовать на чувства слушателя, вовлечь его в поток своих мыслей и переживаний, предстающих в неразрывном единстве:

Он снял очки, бросил травники и подошел ко мне с живостию, когда я ему сказал, что соглашаюсь почитать вместе с ним некоторые исторические и словесные науки вредными для людей, не имеющих основательного рассудка. Он начал осыпать меня доказательствами, входить в такие подробности, которым нет ничего подобного во всех его сочинениях, и разбирал мысли свои до самых малейших оттенков, с такую точностию, с такую определенностию, которые иногда терял в уединении, может быть, от излишества в умственной работе [10. 1809. № 15. С. 177].

И далее:

Описание, которое он сделал своим несчастиям, изображение вымышленных его врагов, картина заговора целой Европы против спокойствия и чести одного человека – все это могло бы, вероятно, быть тягостным моему сердцу, когда бы не очаровано было оно удивительным его красноречием. Я старался переменить материю и начал говорить о любимых его предметах – уединении и сельской жизни. Я спросил, как мог он, любя так страстно природу, заключить себя в пыльном Париже? Любезный софист осыпал меня восхитительными парадоксами, которыми старался доказать, что о свободе надлежит писать в тесной тюрьме, а восхищаться других изображением природы гораздо легче в метель и трескучий мороз. Мы начали говорить о Швейцарии, и мне нетрудно было доказать ему (не давая, однако, чувствовать, что я того желал), что Юлия и Сен-Пре были выучены мною наизусть. Это удивило его и даже обрадовало. Он заметил, что «Новая Элоиза» была единственным из сочинений его, которое мог я любить и читать, и что я поленился бы заниматься глубокими умствованиями и тогда, когда бы имел расположение к глубокомыслию. Сказать правду, я сам не помню, чтобы когда-нибудь имел столько ума, как в продолжение сих двух разговоров с моим Женевским мизантропом. Когда он сказал мне решительно, что будет ожидать в Париже приговоров и духовенства, и парламента, то я осмелился обнаружить мое мнение о способах его поддерживать его славу. «Чем более хотите скрываться, господин Руссо, – сказал я ему, – тем более себя выставляете; чем более стараетесь быть диким, тем связи ваши с гражданским обществом становятся теснее!» Глаза его сияли, как звезды. Великий гений выливался из взоров его струями света и распялял мою душу [10. 1809. № 15. С. 180].

Наконец, о красноречии Руссо мы читаем в одном из писем И. Мюллера к К. Бонстеттену, переведенном Жуковским в числе других для «Вестника Европы»:

Этот Руссо доказал мне одну великую и мало обдуманную мной истину – важность и всемогущество красноречия. Вся мыслящая Европа им восхищается. Посмотри на них: не все ли они (включая одних соотечественников его) стоят перед ним на коленях? <...> Они обожают его только за то, что он владеет своим словом как бог Юпитер своими громами. Так, Бонстеттен, и я ополчу себя этим оружием [10. 1811. № 6. С. 83].

И далее Мюллер излагает свою концепцию красноречия и его развития, во многом вдохновленную слогом Руссо и во многом близкую Жуковскому:

Со времени переселения народов до Еразма лепетали одни младенцы; от Еразма до Лейбница писали; от Лейбница до Вольтера умствовали; я буду – говорить. На наших Альпийских высотах катится гром и раздается по всем кантонам; в их недрах зарождаются Рейн и Рона; с величественным ревом мчатся они по утесам союзников и протекают потом по низким долинам Германцев и Белгов. А наш язык, мой друг, для чего подобится он более шумному Штауббаху, который осыпает нас влажной пылью, не потрясая нашего сердца? Германцы хотят поражать; но их поток стремится по камням, и тот, кто предает себя его волнам, или остается неподвижен посреди утесов, или бывает разорван на части. Неподалеку от моей родины свергается Рейн с высоты в 80 футов; когда восходит солнце, то пена клокочущих волн сияет как радуга – нет силы, которая могла бы с ним бороться – рыбы, суда и все, дерзающее приблизиться, увлекает он быстро ужасным порывом; путешественник теряет присутствие духа и приближается к нему с содроганием. Цицерон, Квинтилиан и этот водопад открывают мне, каково должно быть истинное красноречие [10. 1811. № 6. С. 83].

Любопытно, что Жуковский заостряет внимание и на оборотной стороне повышенной чувствительности Руссо, определявшей его (Руссо) осмыслением оппозиции «человек – общество», «общественное и естественное» в природе человека: в большинстве переведенных для «Вестника Европы» текстах акцентируются чрезмерная подозрительность, обидчивость Руссо, резкое неприятие им общества и как следствие – желание скрыться от людских глаз, уединиться. Кроме ряда приведенных выше фрагментов, где эти темы и идеи очевидны, обратим внимание, например, на завязку «Путешествия Ж.Ж. Руссо в Параклет»: «В один весенний вечер Жан-Жак Руссо, кончив прогулку в Тюльери, возвращался домой с обыкновенным унынием и мрачностью духа. Он шел поспешно по улицам Парижа; в глазах мимоходящих мечтались ему презрение и насмешка; одни следовали за ним с подозрительным шёпотом, другие хотели оскорбить его знаками; везде встречал он злоумышленника или неприятеля, и сердце несчастного меланхолика сжималось от скорби. “Вот последнее моё пристанище! Сюда, по крайней мере, не последуют за мною возмутительные взоры глупого любопытства!” – так говорил он, взбираясь по крутой лестнице на четвертый этаж, где нанимал тесную комнатку. Открывает дверь и видит молодого человека, приятного лицом,

который сидел перед его письменным столом и дружески разговаривал с Терезою. “Кто вы, государь мой? Чего вам надобно?” – спросил Руссо, приближаясь к нему с суровым лицом и с смутною подозрительностию смотря ему в глаза» [10. 1808. № 2. С. 98].

Вот один из кульминационных фрагментов «Письма Ж.Ж. Руссо»: «Что остается тогда для бедного, слишком чувствительного творения? Прилепиться к своим мечтам, избрать самые привлекательные. Взор человека их разрушает; он бежит в уединение; в обществе попадаются ему одни отвратительные твари – он скрывается в пустыню и населяет ее созданиями по своему сердцу: вот время романов, не сих чудовищных произведений, в которых черствая душа изображает нравы своего века, но сих вдохновений восторга, любви, добродетели. В них чувствительное существо находит для себя новый мир, в который устремляется на крыльях желания и надежды: в минуты иступления оно признает себя достойным Элоизы, Юлии Памелы и, отдавая себе справедливость, забывает жестокое несправедие человека» [10. 1808. № 4. С. 270–271]. Или характеристики Руссо из статьи «О литературе французской в XVIII столетии»: «Ж.Ж. Руссо, воспитанный в несчастии, в уединении, всегда погруженный в мысли и тайную унылость»; «Руссо, не имевший ни отечества, ни семейства, странник, лишенный пристанища, имел самолюбие чрезмерно раздражительное» [10. 1809. № 5. С. 51].

Думается, за столь последовательным подчеркиванием названных выше черт личности и внутренних ощущений и убеждений Руссо следует видеть опосредованное выражение отношения Жуковского к одному из самых противоречивых произведений французского философа – его трактату «О науках», построенному на идее естественного человека, от природы наделенного добротой и совестью и утрачивающего эти дары под дурным влиянием общества. Как известно, именно этот трактат Руссо полностью посвящает парадоксальному отрицанию роли наук и искусств в жизни человека, в становлении его личности; он явно не склонен видеть в просвещении единственный путь совершенствования человека и общества в целом, в связи с чем мыслитель, что тоже известно, и разошелся с энциклопедистами. Подробный анализ восприятия Жуковским трактата Руссо, проведенный Ф.З. Кануновой на материале читательских помет русского поэта [5. С. 76–85; 8. Ч. 2. С. 236–249], а также выполненный нами анализ перевода данного сочинения, сделанного Жуковским в начале 1800-х гг. [11], позволяет опустить здесь описание этого материала, но опереться на него в нашем исследовании.

Руссо – автор трактата «О науках», его теория противостояния естественного и общественного начал природы человека, безусловно, нашли свое отражение в образе мыслителя, созданном Жуковским на страницах «Вестника Европы». Однако поэтом-романтиком были сделаны свои, принципиальные акценты, выразившиеся и в переводе Жуковского, и в его читательской рецепции трактата. В публикациях «Вестника Европы» тоже заметно неприятие Жуковским и утопизма социальной концепции Руссо, и его радикального демократизма. В связи с этим и находится изображение Руссо человеком, недовольным окружающими, обидчивым и обиженным на весь свет. Вместе с тем в публикациях «Вестника Европы» мягко, но последовательно корректируется и даже отрицается клише о мрачности духа Руссо, его желание скрыться от

общества мотивируется психологически, сиюминутными настроениями. Так, в повести «Путешествие Ж.Ж. Руссо» читатель видит мгновенное преобразование Руссо, а точнее – момент, когда с него спадает защитная маска мизантропа, обнаруживая настоящее лицо героя:

– Кто вы, государь мой? Чего вам надобно? – спросил Руссо, приближаясь к нему (к посетителю. – И.А.) с суровым лицом и с смутною подозрительностию смотря ему в глаза.

Незнакомый встал, несколько минут, безмолвно, с почтением и чувством, рассматривал творца «Элоизы»; наконец, опомнился и подал ему письмо. Глаза Жан-Жака заблестали, когда он прочёл надпись. Он бросился с живостию обнимать молодого человека, осыпал его множеством нежных вопросов; на обвертке письма узнал он почерк милади Говард, любезной, великодушной, чувствительной женицины, единственной из многих, так называемых друзей его, мужеского и женского пола, которая ни на минуту не сомневалась в благородном сердце Жан-Жака, единственной, которой образ, идеально прелестный, как гений-утешитель, являлся душе его в ту минуту, когда она свергала с себя тягость печали; которой дружба и уважение так сильно трогали его сердце, что он без зависти и с некоторым наслаждением смотрел на счастливого, прекрасного юношу, избранного обладателя её прелестей [10. 1808. № 2. С. 99–100].

Или:

...в эту минуту отворяется дверь, входит незнакомый человек с шляпою на голове, приближается к философу, спрашивает с некоторою дикостью: «Вы ли Жан-Жак Руссо?»

Руссо испугался. Подозрительность, которая так часто его мучила, привела в смятение сердце его; он устремил пронизательные, острые взоры свои на незнакомца; одежда его была в крайнем беспорядке, волосы, темно-каштанового цвета, всключены, а глаза, полные глубокой задумчивости, впалы и мертвы; в движениях его заметна была необыкновенная живость; словом, наружность его говорила всякому: вот существо, уничтоженное судьбою! (повесть «Эдуард Жаксон, Милли и Ж.Ж. Руссо» [10. 1810. № 2. С. 97].

Далее по сюжету Руссо внимательно слушает рассказ Эдуарда о его несчастьях и берется помочь ему).

Кроме того, многие фрагменты, касающиеся рассматриваемой проблемы, при всей определенности отдельных слов и фраз, в целом прочитываются всё же не в социальном, радикальном плане противостояния природы цивилизации, человека – обществу, а в общечеловеческом и еще в большей степени – в свете романтической концепции двоemiрия. Приведем, например, отрывки из «Письма Ж.Ж. Руссо»:

Мечты сии умирают, и слишком скоро в обществе людей: бесплодная истина уничтожает в самом зародыше милые надежды и призраки, которые одни могли бы сделать неизъяснимо прелестною жизнь человека [10. 1808. № 4. С. 270].

И далее:

Когда многократными, жестокими уроками люди научают нас познавать свою испорченность, тогда спешим возвратиться к мечтам, которые нас трогают, которые питают и берегут драгоценную нежность нашего сердца [10. 1808. № 4. С. 273].

Здесь очевидно стремление ввести рассуждения Руссо об «испорченности» людей в русло романтической концепции любви, двоемирия, согласно которой этому чувству как выражению идеала вообще нет места на земле.

В статье «О литературе французской в XVIII столетии» наиболее четко выражено неприятие социального радикализма Руссо, который в данном случае связывается с утверждением опасной для общества утопической веры в возможность абсолютной свободы для человека, не только живущего в обществе, но существа общественного по своей природе:

Во всю свою жизнь сражался он с обществом, в котором обстоятельства и характер препятствовали ему занимать пристойное место. В семто печальном расположении духа почерпнул он, так сказать, свое дарование. Почитая все должности оковами, хотел он вести человека к добродетели стремлением свободы и страсти; хотел, чтобы он гордо и независимо летел ее стезями! Но такие стези опасны, и редкий, избрав их, не заблуждался. Первый Руссо может служить примером заблуждения: прославляя добродетель с жаром и восхищением чувствительного сердца, он более, нежели кто другой, ознаменовал жизнь свою проступками [10. 1809. № 5. С. 52].

В «Свиданиях с Ж.Ж. Руссо» принц де Линь открыто возражает обвинениям Руссо в адрес людей, чем заставляет его задуматься: «Он (Руссо. – И.А.) несколько раз воскликнул: “О люди! Люди!” Получив некоторое право ему противоречить, я осмелился сказать: “Людей обвиняют такие же люди, которым весьма нетрудно ошибаться во мнении!”. Это заставило его на минуту задуматься» [10. 1809. № 15. С. 177]. И ниже идет фрагмент, который мы уже приводили, но напомним его здесь: «Когда он сказал мне решительно, что будет ожидать в Париже приговоров и духовенства, и парламента, то я осмелился обнаружить мое мнение о способах его поддерживать его славу. “Чем более хотите скрываться, господин Руссо, – сказал я ему, – тем более себя выставляете; чем более стараетесь быть диким, тем связи ваши с гражданским обществом становятся теснее!”».

Как видим, в образе Руссо, конструируемом Жуковским, парадоксально соединяются руссоистская и антирусоистская концепции, подчеркивается мысль о несовпадении и даже противоречии теоретических посылок Руссо и его «чувствительного» поведения, его творчества, апеллирующего к доброте читателей, оказывающего на них сильное положительное влияние, способствующего пробуждению внутренней свободы человека, формированию его счастья и осознанию нравственных ценностей. В связи с этим отметим внимание Жуковского к образу Руссо-писателя и к его художественному методу (типу «красноречия»), который русский поэт стремится представить в ряде

публикаций нарративом от 1-го лица. Характеристики этого нарратива: глубочайший психологизм, эмоциональность, поэтичность, индивидуальность и неповторимость. По сути, практически во всех публикациях «Вестника Европы», где речь заходит о Руссо-писателе, создается образ идеальной творческой личности.

Величайшим художественным произведением Руссо, раскрывающим всю силу его гения, на страницах «Вестника Европы» Жуковским представлен роман «Новая Элоиза», открывший историю французского сентиментализма и прочитанный русским поэтом с большим вниманием¹. Этот роман и его автор определяют, например, все кульминационные точки развития идеи, темы, сюжета, характеров, художественного пространства, наконец, разрешения конфликта, социального по своей природе, в «Путешествии Ж.Ж. Руссо». Само путешествие совершается героями – Руссо и его спутником – к месту погребения Новой Элоизы, которое Турнейзен называет Параклетом; они едут «поклониться Элоизину гробу». В дилижансе Турнейзен читает роман Руссо, а потом передает его Жюльетте, которая читает эту книгу со слезами на глазах. В повести Меркеля находим и интертекстуальное включение из «Новой Элоизы», в частности пересказ нарратором сцены из «Новой Элоизы», вызвавшей слезы Жюльетты – когда «страстный Сен-Прио писал на утесе, смотря на отдалённое жилище Юлии, и в то же время предчувствовал близкую, вечную разлуку. Он жалуется на быстрое солнце, на быстрое время, на краткие, невозвратимые минуты, на Юлию, которая обещает ему мечтательные наслаждения в будущем, обещает тогда, когда, быть может, и его Юлии уже не станет! “И красота твоя, мой друг, и сама твоя красота должна иметь конец – увянет и погибнет, как цвет, которым никто не насладится! А я между тем вздыхаю и сохну! Юность моя исчезает в слезах, весенние дни мои гаснут в печали! Подумай, подумай Юлия, что и мы считаем уже годы, потерянные для радости... Ещё одно слово: ты помнишь утес Левкада, последнее прибежище несчастных любовью! Места, окружающие меня, ему подобны: скала крута, пучина бездонна, и отчаяние в моём сердце”» [10. 1808. № 2. С. 105–106]. Руссо в этот момент, подчеркивает повествователь «Путешествия Ж.Ж. Руссо», чувствует себя Сен-Пре, а в Жюльетте видит Элоизу.

Важнейшей сценой этой повести является полемика, развернувшаяся в дилижансе по поводу «Новой Элоизы». В ней слышны основные *pro et contra*, звучавшие вокруг романа, в том числе и в России, с конца XVIII в. Достаточно четко обозначена переводчиком и авторская позиция. В хоре голосов ведущая партия принадлежит Жюльетте, которая, защищая роман Руссо, подчеркивает его высокий нравственно-этический пафос. Истина, в которой, по ее словам, уверяет героиню каждая строка «Новой Элоизы», заключается в необходимости быть добрым и любить своего ближнего. Написавший такой роман человек, по ее убеждению, не может быть злодеем:

¹ Идея чрезвычайной популярности романа Руссо подчеркивается в «Свиданиях с Ж.Ж. Руссо», где принц де Линь сообщает Руссо, что «Юлия и Сен-Пре были выучены» им «наизусть». О Жуковском-читателе «Новой Элоизы» см.: [5. С. 102-117; 8. Ч. 2. С. 280–311].

И мне рассказывали о так называемых его преступлениях; но знаю также, что он несчастлив, очень несчастлив. Ах! Нужно испытать несчастье над самим собою, чтобы уметь судить о поступках несчастливца; тогда только поверишь, что страдающая тварь, лишенная покрова и друзей, решается на такое дело, которое имеет всю наружность преступления и в то же время совершенно благородно и непорочно; что очень часто можно быть даже самоубийцею и в то же время сохранить в душе ненависть к пороку [10. 1808. № 2. С. 109–110].

Противник Жюльетты в споре – патер, человек, отталкивающий своим высокомерием, отсутствием духовности (вот, например, описание его внешнего вида: «В карете против них сидел барышник в красном камзоле и старомодном парике с сухою, невнимательною миною; подле него дородный патер, который со значащим видом посматривал на своих товарищей, хотел казаться проникательным наблюдателем, улыбался с притворным коварством, играл своею тростию, нюхал табак, выглядывал в окно и был совершенно доволен своею ролью» или такое красноречивое противопоставление: «Лиль молчал, девушка также. Священник и барышник рассуждали о лошадях, которых последний продал парижскому архиепископу; Турнейзен читал») [10. 1808. № 2. С. 102]. Позиция автора прочитывается и в том, как завершилась полемика: патер, назвавший Руссо «богоотступником, которого наша Святая Церковь отвергла, с которым... и самому еретика встречаться стыдно», «возмутителем», «зажигателем», «сумасшедшим, которого надобно посадить на цепь», «убийцей собственных детей, страшным преступником... истинным извергом человеческого рода», а роман Руссо – «безбожной и ядовитой книгой», которую стыдно читать, тем более в общественном месте, призывавший Жюльетту не открывать этой книги никогда, после страстной защитной речи девушки «не знал, что говорить; он не был тронут выражениями благородной незнакомки; но тон её, прежде смелый, потом унылый и робкий, привел его в недоумение; он долго не мог решиться, как отвечать ей, грубо или учтиво; наконец собрался с мыслями и уже готов был начать своё возражение, как дилижанс остановился» [10. 1808. № 2. С. 108, 110–111]. Наконец, важна и развязка конфликта: попавшей в беду Жюльетте помогает не патер и никто иной – её выручает Ж.Ж. Руссо: и словом, и делом.

В ряде публикаций «Вестника Европы» упоминается роман Руссо «Эмиль, или О воспитании», к которому Жуковский обращался на протяжении жизни неоднократно (см.: [5. С. 142–157; 8. Ч. 3. С. 74–137]). Интересно, что он прежде всего подчеркивает, с одной стороны, известность данного произведения в России самому широкому кругу читателей, но с другой – его непонимание неподготовленным читателем, не умеющим проникать в глубины мыслей и идей Руссо. Так, в «Счастливейшем состоянии» это сочинение Руссо дается в оценке уездного почтмейстера, явно не понимающего, может быть, и не готового понять его глубокой философской сути, концепции человека и идеи его воспитания как важнейшего средства преобразования общества: «Признаться, не понимаю, какую прелесть можно найти в долоте и скобели Руссова Эмиля; согласен, что написать об них две или три приятных

страницы гораздо легче, нежели о том, что я предложить намерен» [10. 1809. № 15. С. 203].

В «Путешествии Ж.Ж. Руссо» подчеркивается, что это произведение было написано Руссо в ответ на «оскорбительные нападения Вольтеров, Дидро-тов и даже мелких ненавистников гения». Не упоминая «Эмиля», статья «О литературе французской в XVIII столетии» помещает Руссо, его творчество в целом в тот же контекст. К именам Дидро и Вольтера добавляются Монтескье и Бюффон. Этих писателей, по мнению автора статьи, объединяет прежде всего то влияние, которое они оказали на нравы своего времени. Кроме того, все они представлены людьми «пламенного гения», увлекаемыми сильными страстями к новым идеям, имеющими «дух независимый и «слишком наклонный к противоречию», а также «слог живописный; красноречие величественное и убедительное» [10. 1809. № 5. С. 49–52].

Одна из публикаций «Вестника Европы» построена на соединении двух текстов – о Руссо и Вольтере (каждый имеет свой подзаголовок – «Свидания с Ж.Ж. Руссо» и «Мое пребывание в Фернее») – в единый под заглавием «Свидания маршала де Линя с Ж.Ж. Руссо и Вольтером». Отражая специфику самого процесса восприятия Руссо в России – через его полемику с другими просветителями, прежде всего с Вольтером, подчеркивая суть их расхождений («за то, что я осмелился сказать, что Жан-Жак Руссо уговаривает человеческий род ходить на четвереньках, выгнали меня из Женевы, где нет ни одной души, которая не проклинала этого сумасброда», – говорит Вольтер де Линю, объясняя свои разногласия с Руссо [10. 1809. № 15. С. 186]), Жуковский между тем обращается к переводу текста о Руссо и Вольтере, отличающегося зеркальной композицией, отражающей одно лицо сквозь призму другого, впечатления, произведенные Руссо на де Линя через фильтр впечатлений, которые остались у него после встречи с Вольтером. Рецептивный эффект такого построения – демонстрация идеи преобладания совпадений двух великих гениев над их расхождениями. В конечном итоге эти фигуры оказываются в одном ряду с величайшими умами, талантами, ярчайшими личностями истории человечества.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что в образе Руссо, созданном Жуковским на страницах «Вестника Европы», преломилось главное открытие отечественного романтизма, пришедшее к русскому читателю во многом благодаря Жуковскому и его журналу, – это открытие человека с его неповторимой индивидуальностью, противоречивостью, сложностью и подвижностью, что и было подчеркнуто в образе Руссо в публикациях, подготовленных поэтом-романтиком. Желание понять учение и творчество Руссо, пришедшее к Жуковскому во второй половине 1800-х гг. в связи с программой самообразования и самосовершенствования, органично дополняется его интересом к личности французского писателя и стремлением создать образ Руссо в метатекстовом пространстве редактируемого им издания. Поддерживая такие черты сложившегося к началу XIX в. общеевропейского имиджа Руссо, как несовпадение его теорий и творчества, противоречие руссоистского противопоставления природы и цивилизации исходным просветительским посылкам, не соглашаясь с рядом радикально-демократических воззрений французского мыслителя, не идеализируя его, Жуковский между тем высоко оценивает дея-

тельность Руссо и не допускает в своих переводах развенчания этой фигуры и в ее лице – просветительской идеологии и возникшего на ее почве сентиментализма. Парадоксализм Руссо осмысливается Жуковским как яркая личностная черта (свидетельство таланта, гениальности), во многом связанная с конкретной социально-исторической и культурной ситуацией. Русский романтик акцентирует в образе Руссо как главное чувствительность и возбуждающий в человеке доброту писательский гений. Эти характеристики, воспринимаемые в неразрывном единстве, подчеркивают плодотворность руссоизма для развития европейской культуры, и в частности – русской. Завершая статью, обратим внимание на единственное, но весьма показательное упоминание Руссо в переведенной Жуковским для «Вестника Европы» повести принца де Линя «Эгоист», где образ французского мыслителя ассоциирован, с одной стороны, с темой памяти, концептом памятника, с другой – с древнейшим культурным архетипом сада: читателю сообщается, что центром, объединяющим прекрасный садовый ансамбль, любовно созданный руками главного героя, бурно развивающийся и становящийся день ото дня прекраснее, является бюст Ж.Ж. Руссо¹.

Литература

1. Розанов М.И. Ж.-Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и начала XIX века. М., 1910.
2. Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992.
3. Златопольская А.А. Жан-Жак Руссо в России XVIII – первой четверти XIX в.: (Библиограф. список произведений Жан-Жака Руссо и литературы о нем на русском языке) // Петербург на философской карте мира. СПб., 2003. Вып. 2. С. 209–239.
4. Златопольская А.А. Сочинения Ж.-Ж. Руссо и литература о нем на русском языке. Краткий список литературы на русском языке за 1976–2004 гг. // Ж.-Ж. Руссо: pro et contra. СПб., 2005. С. 783–807.
5. Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского. Томск, 1990.
6. Кулешов В.И. Литературные связи России и Западной Европы. М., 1977.
7. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
8. Библиотека В.А. Жуковского в Томске. Ч. 1–3. Томск, 1978–1988.
9. Златопольская А.А. Под маской «бедного Жан-Жака»: А.М. Белосельский-Белозерский и апокрифические сочинения Ж.Ж. Руссо в русской культуре // Человек. 2005. № 5.
10. Вестник Европы.
11. Айзикова И.А. Жуковский – переводчик Ж.-Ж. Руссо (статья первая) // Проблемы метода и жанра. Томск, 1986. Вып. 12. С. 50–68.

¹ Проблемы этики разумного эгоизма, оказавшиеся в центре повести «Эгоист», активно обсуждавшиеся в русской культуре на протяжении всего XIX в. и безусловно связанные с руссоистскими идеями, заслуживают специального разговора.